

тиях, очень далеких от богословия: «Как не знать, да вот романы те меня прельщают как сирены».⁹

Диалог кончается обычным и совершенно не убедительным для читателя исправлением Картофила. Легко себе представить, с каким вниманием и сочувствием следили иные зрители за словесным поединком легкомысленного Картофила с добродетельным Вивлофилом. Можно поручиться, что симпатии очень многих были не на стороне последнего. Романы сумели, видимо, достаточно обольстить воспитанников, что и вызвало постановку «Разговора о чтении» на сцене Тверской семинарии.

Один из диалогов сборника 1774 года «Разговор об умеренном наказании отроков» приоткрывает любопытную страницу тогдашнего семинарского быта. Перед нами одно из смелых выступлений учащейся молодежи против все-исключительной розги — этой неотъемлемой части тогдашней воспитательной системы. Можно думать, что за этим протестом стояло сочувствие передового учительства, к которому принадлежал и сам ректор. Во всяком случае, без такой поддержки вряд ли подобный разговор мог быть поставлен на сцене семинарского театра.

Разговор ведут двое: Педагог и Петулянт.¹⁰ Наставник угадывает по заплаканному лицу мальчика, что с ним случилась беда. Действительно, Петулянта пребольно высекали. При этом пострадавший не понимает, за что его подвергли суровому наказанию. Упреки Педагога в лени и резвости не убеждают Петулянта. «Правда, — говорит он, — лениться и резвиться мое дело». И все же это не повод для наказания: «Пусть я и ленив и игрив, только сечь меня не надлежало».

Спор между учителем и учеником интересен для нас в двух отношениях.

Во-первых, он помогает нам понять ту обстановку, которая создалась в семинарских кругах вокруг вопроса «об умеренном наказании отроков». Участвующий в споре Педагог не считает телесное наказание единственной или даже наиболее распространенной мерой воздействия. Таких мер много: «Советы, увещания, награда, честь, слава, страх, стыд». Широкое понимание воспитательных средств свидетельствует о том, что педагогика духовных школ того времени была не так элементарна и прямолинейна, как мы склонны о ней думать. По мнению Педагога, розга — крайняя мера, к которой следует прибегать, когда все другое исчерпано. Это дает наставнику повод сравнить воспитателя с доктором: «...лекарки ведь режут тело, чтобы спасти жизнь». Таковы были первые попытки если не ослабить роль розги, то по крайней мере ограничить сферу ее применения.

Второе, что привлекает нас в «Разговоре об умеренном наказании отроков», это образ подростка, смелого, строптивого, находчивого, умного спорщика. Можно сказать, что он полностью оправдывает данное ему прозвище. На все сентенции Педагога: «леность ко всем порокам есть дверь», «лоза — шпоры ленивым и узда игривым» — Петулянт бросает дерзкие реплики: «Я думал, что уж ты проповедь мне начал говорить»; «Да отдавал бы ты сам, сколь сладка лоза та»; «Не хвалю я тех лекарей, которые это березовое выдумали лекарство»; «Полно, брат, пилюли та золотить, как можно душу лозой лечить».¹¹

Согласно традиции действие должно заканчиваться исправлением грешника. Так и здесь Петулянт примиряется с ненавистной лозой, услышав от наставника, что священное писание разрешает подвергать детей телесному наказанию.

Вряд ли подобная концовка могла удовлетворить юных зрителей. Их симпатии, так же как и симпатии современного читателя, без сомнения, оставались

⁹ Там же, стр. 28.

¹⁰ Шалун, резвый ребенок (латинское *petulans*). — *Прим. ред.*

¹¹ Разговоры разного содержания... стр. 9—10.